

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

2966 К 2250 FES12 0477

Памяти Егора Сазонова.

„Такихъ людей, какъ онъ, я еще не видѣлъ. Такой любви въ сердцѣ, такой отваги, такой силы душевной...“

И. Калевъ и Е. Сазоновъ.

Я мало зналъ Егора Сазонова. И рѣдко встрѣчался съ нимъ. Въ рядахъ нашей Партіи найдутся люди, которые знали его больше, которые шли вмѣстѣ съ нимъ, плечо къ плечу, одной боевой дорогой. Имъ полнѣе открывалась его богатая натура, они ярче и цѣльнѣе могли бы возстановить передъ нашими глазами его образъ. Но они молчатъ, и потому я долженъ говорить. Они молчатъ—потому, что «однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече», и потому, что немногіе оставшіеся, близкіе, продолжаютъ идти тѣмъ же узкимъ, кремнистымъ путемъ, которымъ они начали когда то идти вмѣстѣ съ Егоромъ Сазоновымъ. Нашъ голосъ едва долетаетъ до нихъ, и до насъ едва долетаетъ ихъ голосъ. И, посвящая нѣсколько острыхъ, болезненныхъ моментовъ нашей блѣдной жизни скорбнымъ думамъ о погибшемъ товарищѣ, мы предоставлены нашимъ собственнымъ силамъ, нашимъ собственнымъ отрывочнымъ воспоминаніямъ...

Я увидѣлъ Сазонова впервые тотчасъ же послѣ его бѣгства изъ ссылки. Онъ сѣвшилъ встать въ первые ряды борцовъ съ оружіемъ въ рукахъ. Онъ осуществлялъ свою заветную мечту — вступить въ Боевую Организацию. Но, по вѣнности своей, это былъ совсѣмъ не тотъ Егоръ Сазоновъ, который глядитъ на насъ со всѣхъ послѣднихъ его портретовъ. И не только потому, что онъ, заботливо измѣняя свою наружность, предсталъ передъ нами безбородый, безусый, съ коротко остриженными волосами, выкрашенными въ рыжеватый цвѣтъ, придававшій какой то особый отблескъ цвѣту его лица. Была и другая, болѣе глубокая разница. Жизнь еще не провела на его лбу, около глазъ, скорбныхъ бороздъ, не подчеркнула еще рѣзче глубину его глазъ рѣзкими впадинами подъ ними, и впадою блѣдныхъ щекъ не усугубила трагизма изможденнаго лица. На насъ глядѣли изъ-подъ открытаго лба каріе, живые, веселые глаза, еще не успѣвшие подернуться дымкой грусти; на свѣжьемъ, румяномъ лицѣ сияла молодая веселость, отъ которой впоследствии осталась лишь задумчиво-мягкая полуулыбка.

Мнѣ вспоминается Сазоновъ—въ маленькомъ отелѣ на набережной города N., уже хлопочущій съ привезеннымъ отсюда то динамитомъ. Два товарища, навѣстившіе его, замѣчаютъ слѣжку. Проверка подтверждаетъ ихъ наблюденіе. И на маленькомъ импровизированномъ совѣщаніи ставятъ вопросъ — что дѣлать. Сазонову предлагаютъ, между прочимъ, избавиться отъ динамита, утопивъ его въ рѣкѣ. Но Сазоновъ противъ такихъ поспѣшныхъ рѣшеній. Его не заставить такъ легко распрощаться съ тѣмъ могучимъ оружіемъ, которое въ его рукахъ превратится въ молнию, поражающую всенякого временщика. Онъ хочетъ снасти это оружіе во что бы то ни стало, и онъ вѣрится въ успѣхъ. Онъ оказался правымъ — ему удалось выкрутиться изъ труднаго положенія самому и спасти свой динамитъ.

Въ этой мелочи ярко проявилась та самая черта Сазонова, которой суждено было проявиться въ болѣе крупныхъ дѣлахъ. Это — спокойная, увѣренная отвага,

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!“

это — соединенная съ крайней простотой, непосредственная, стихійная смѣлость. Не смѣлость — молодечество, которое сбоку, некое любитъ самимъ собою, и не та безнабашная смѣлость, для которой все — трѣнь трава, и которой море по колено. Нѣтъ, это была совсѣмъ особая смѣлость — сама себя не замѣчающая, полная уравновѣшенной простоты и спокойной твердости; смѣлость, основанная на твердомъ рѣшеніи сдѣлать все, что въ силахъ человѣческихъ, для успѣха дѣла. И когда я увидѣлъ Сазонова еще нѣсколько разъ, — всегда мелькомъ, — каждый разъ онъ еще болѣе укрѣплялъ мое первое впечатлѣніе, — то же впечатлѣніе необыкновенной твердости — молодой, веселой и спокойной. Всегда онъ крайне внимательно, вдумчиво выслушивалъ другихъ, обдумывалъ, высказывался не сразу; говорилъ осторожно, взвѣсивъ слова — и несмотря на это, въ нихъ звучало что-то увѣренное, почти непоколебимое. Бываютъ люди, которые рѣшительностью суждений и категоричностью рѣчей какъ бы пробуютъ пересидеть глубоко присущую имъ, скрытую внутреннюю нерѣшительность. Сазоновъ былъ живымъ контрастомъ этимъ людямъ. Живое свидѣтельство этому — вся его жизнь. Онъ былъ одною изъ тѣхъ рѣдкихъ натуръ, которые на бой и на смерть идутъ какъ на яркій прекрасный праздникъ...

Благодатной непосредственностью и цѣльностью своей натуры Сазоновъ былъ обязанъ той средѣ, которая его выдвинула. Онъ вышелъ изъ самыхъ глубинъ народной жизни, изъ ея сокровенныхъ подпочвенныхъ слоевъ. Онъ родился въ крестьянской семьѣ, которая энергіей своего главы — отца Егора Сазонова — выбилась изъ бѣдности, перебралась въ городъ и разбогатѣла на торговлѣ. Семья была строго монархической и религіозной; царскіе портреты украшали стѣны комнатъ, въ которыхъ росъ будущій революціонеръ и террористъ. Далекій отъ всякихъ мятежныхъ порывовъ, Егоръ Сазоновъ въ гимназиі вынесъ изъ знакомства съ русской литературой лишь неопредѣленные обще-гуманистическія стремленія, соответствующія его мягкой, любящей натурѣ. Онъ мечтаетъ посвятить себя медицинѣ и сдѣлаться врачомъ для бѣдныхъ... Тотъ, кому суждено было встать въ авангардъ борцовъ, вооруженною рукою нанесшихъ удары; тотъ, кому было суждено платить ранами за раны и смертью за смерть — видѣлъ первоначально свое призваніе въ томъ, чтобы врачевать раны и спасать отъ смерти жизнь другихъ людей...

Только въ университетѣ впервые онъ начинаетъ порывать съ консервативными взглядами, воспринятыми съ дѣтства. Только здѣсь онъ начинаетъ все болѣе и болѣе убѣждаться въ томъ, что мракобесіе и челоуконенавистничество составляютъ неизбѣжные атрибуты русскаго консерватизма. Только здѣсь — и далеко не сразу — онъ настраивается все болѣе и болѣе оппозиціонно, и наконецъ — революціонно.

Вначалѣ онъ стоялъ въ сторонѣ даже отъ студенческаго движенія и только изъ чувства товарищества впервые не держалъ экзаменовъ, согласно рѣшенію сходки. Начались репрессіи... Логика борьбы увлекла студентство все дальне и дальне... «Мои товарищи хорошо знаютъ,—писалъ впоследствии Е. Сазоновъ про свои

сомнѣнія и колебанія 1901 года — съ какимъ трудомъ я рѣшился принять участіе въ протестѣ противъ нарушенія основныхъ законовъ о военной службѣ. Я же зналъ, что если рѣшусь на протестъ, то пойду до конца.»

Въ этихъ словахъ — весь Сазоновъ. Онъ именно былъ всегда и во всемъ, человекомъ, идущимъ до конца...

Онъ не зналъ середины — не звалъ ее въ любви, не звалъ и во враждѣ. Никогда не прельщалъ его сладкій «обманъ поддороги». И во все вглядывался онъ своими ясными, вдумчивыми глазами, усматривая за каждымъ шагомъ тѣ послѣдующіе, на которые онъ вынуждаетъ.

Два факта, быть можетъ, всего рельефнѣе рисуютъ эту чуткость и вдумчивость его души, его совѣсти.

В 1901 году отлученъ былъ отъ церкви Левъ Толстой. Егоръ Сазоновъ зналъ въ то время его, какъ великаго художника, какъ гордость русской изящной литературы, и почти не зналъ, какъ обличителя всей неправды современной жизни, какъ врага церкви, православія, государства, патриотизма... Нелегально отпечатанная и начинавшая циркулировать по Россіи сочиненія великаго писателя почти не попадали въ его руки. И въ томъ же положеніи, какъ Сазоновъ, находилось большинство русскаго общества и русскаго народа. Отлученіе отъ церкви апостола «непротивленія» произвело огромное впечатлѣніе на того, кому впоследствии пришлось сдѣлаться крайнимъ «противленіемъ», революционеромъ-террористомъ. Въ этомъ фактѣ для него какъ бы символизировалась вся коренная неправда, фальшь и насильничество современнаго строя. Облеченные въ мѣ ореломъ вѣншнаго авторитета, главы духовной іерархіи нисколько въ ходъ вѣхъ ресурсы, которыми обладаютъ церкви. Народу, привыкшему благовоинно склоняться «передъ святыней алтаря», со вѣхъ церковныхъ амвоновъ звучитъ, именемъ Господа, отлученіе еретика и отступника. Человѣконенавистническая «анафема» клеймитъ прославленнаго гения художественнаго слова. И за что? Во вѣхъ судахъ, даже въ «скорострѣльныхъ» судахъ военной юстиціи, подеудимому дается послѣднее слово для своей защиты. Но духовный судъ, публично предавшій Толстого анафемѣ, идетъ рука объ руку съ полицейскимъ государствомъ, замыкающимъ уста осужденному. Его всенародно клеймятъ, и никто не имѣетъ права знать изъ его собственныхъ устъ и изъ его собственныхъ писаній, за что онъ объявленъ зачумленнымъ, за что извергнутъ изъ общенія съ организованнымъ христіанскимъ міромъ...

И отлученіе отъ церкви апостола непротивленія послужило гранью въ ходѣ духовнаго развитія Егора Сазонова по направленію къ революціонному «противленію»... Это былъ не первый и не послѣдній случай, когда Левъ Толстой, вопреки собственной волѣ, давалъ революціи новыхъ и новыхъ послѣдователей...

Но, революціонизируясь постепенно, Егоръ Сазоновъ и въ это время своей жизни былъ еще далекъ отъ терроризма. Когда прозвучалъ выстрѣлъ Карповича — второй характерный моментъ, ярко рисующій намъ душу Сазонова — послѣдній съ ужасомъ отшатнулся. На него начало мучительное раздумье. Все свое собственное поведеніе подвергъ онъ пересѣчкѣ, поставилъ его подъ знакъ вопроса. Обиѣнилъ ли онъ правильно вѣе его послѣдствія? Предвидѣлъ ли онъ вѣе его логическіе результаты? Остался ли онъ вполнѣ послѣдовательнымъ съ политической и нравственной точки зрѣнія? Вотъ тѣ вопросы, которые онъ себѣ поставилъ.

Онъ не могъ ихъ не поставить, ибо — какъ писалъ онъ впоследствии:

„Меня страшила мысль, что, можетъ быть, въ смерти Богольцова нравственно повиненъ и я“...

И въ этихъ словахъ сквозитъ все та же черта — повышенная чуткость строгой, неумолимой совѣсти...

Выброшенный изъ университета, Егоръ Сазоновъ попадаетъ на Уралъ. Онъ прѣзжаетъ туда уже революционеромъ, но еще не социалистомъ. Только здѣсь, въ живомъ общеніи съ рабочими массами, мысль Егора Сазонова ставитъ себѣ рядъ новыхъ проблемъ. Подобно тому, какъ къ революціи онъ пришелъ не книжнымъ путемъ, не схватывая съ чужого голоса абстрактныя идеи, а отправляясь отъ живыхъ впечатлѣній жизни, — такъ же точно не книга, а жизнь привела его и къ социализму. Горнозаводскій пролетаріатъ Урала, съ его нетронутостью и цѣльностью дикораствующей силы, съ его полукрестьянскимъ характеромъ и тѣсной связью съ землею, такъ былъ понятенъ непосредственной и цѣльной натурѣ Сазонова, выходяща изъ такой же простой, сырой, «черноземной» крестьянской среды. Это психологическое родство сообщило социализму Сазонова характеръ не наносной вѣншной позолоты, а глубокой, внутри созрѣвшей, органической силы. Это же сообщило социализму Сазонова и ту широту, основанную на практическихъ потребностяхъ реальной классовой борьбы, которая чуждается узкаго, нетерпимаго сектанства вѣнхъ классовыхъ теоретиковъ. До конца дней своихъ онъ мечталъ о единой русской социалистической партіи, которой — онъ твердо вѣрилъ, — принадлежитъ будущее, то будущее, когда достаточная зрѣлость рабочаго класса эмансипируетъ его отъ слишкомъ безцеремонныхъ опекуновъ и сдержитъ самодовольный индивидуализмъ и неуживчивость властолюбивыхъ кандидатовъ на роль «диктаторовъ надъ пролетариатомъ», вмѣсто провозвѣстниковъ «диктатуры пролетариата». И начало социалистической дѣятельности Сазонова протекло въ рамкахъ своеобразной организаци — «Уральскаго Союза Соціально-демократовъ и Соціалистовъ-Революціонеровъ». Вѣдь это было въ то «доброе время», когда не только сама социаль-демократическая среда еще не была разбита на враждебныя, почти ненавидящія другъ друга фракціи, но когда и между С.-Д. и С.-Р. еще не была вырыта непроходимая пропасть фанатически безудержной проповѣдью «Искры».

Сазонова вскорѣ постигла обычная участь пропагандистовъ того времени: послѣ краткаго періода работы среди уральскаго горнозаводскаго пролетариата, онъ былъ арестованъ. Здѣсь, впервые ознакомился онъ съ порядками въ тюрьмѣ и семидневной голодовкой впервые протестовалъ противъ нихъ. Здѣсь, наконецъ, дошли до него ужасающія, кровь леденящія извѣстія съ воли... То были извѣстія о сѣченіи розгами демонстрантовъ въ Вильнѣ, то были извѣстія о разстрѣлѣ такихъ родныхъ, такихъ близкихъ сердцу Егора золотоустовскихъ рабочихъ...

Трудно передать, что чувствовалъ Сазоновъ, связанный, безоружный, безыльный, при этихъ извѣстіяхъ. Онъ мучился, какъ молодой орелъ, запертый въ клеткѣ и безыльно ранящій свои крылья о холодныя стальные прутья...

«О, въ какой безыльной ярости — писалъ впоследствии онъ самъ — я метался тогда въ своей тюремной клеткѣ, какъ бился головой о тюремную стѣну, какъ безыльно ломалъ руки, которые не могли сокрушить тюремныхъ рѣшетокъ, и какъ горько, какими унижительно горькими слезами я плакалъ... Я молилъ судьбу: о если бы мнѣ теперь воля!.. За то, когда я узналъ, что палачъ Златоустовецъ погибъ, какъ свободно, полною грудью я вздохнулъ. Боже мой, да будутъ вѣчно благословенны тѣ люди, которые сдѣлали то, что должны были сдѣлать!»

Это — новая грань въ жизни Егора Сазонова. Онъ становится по взглядамъ террористомъ. И, какъ человекъ, во всемъ и всегда идущій до конца, онъ отъ слова переходитъ къ дѣлу. Узнавъ о гибели палача златоустовцевъ, онъ «вздохнулъ полною грудью». Но не потому, чтобы кто то другой за него исполнилъ что-то и

тѣмъ освободилъ его отъ тяжелой обязанности бороться за то, чтобы насильники не остались безнаказанными. Но потому, что нравственное удовлетвореніе отъ молніей сверкнувшей революціонной кары давало возможность свободнѣе дышать, выше поднять голову и съ удвоеннымъ боевымъ энтузіазмомъ пойти по пути, намѣченному смѣлымъ примѣромъ.

Самъ испытавъ это чувство, Сазоновъ снова не путемъ абстрактныхъ убѣжденій, а опытомъ своихъ интимнѣйшихъ душевныхъ переживаній пришелъ къ выводу: «Ищете высиженной въ кабинетѣ боязни, какъ бы терроръ не ослабилъ энергіи массъ, не внушилъ имъ пассивныхъ надеждъ на стороннихъ избавителей и заступниковъ-героевъ. Самъ плоть отъ плоти и кость отъ костей непосредственно и цѣльно чувствующей массы народной, онъ вѣрилъ — нѣтъ, больше: онъ знаетъ, что террористическая борьба и есть тотъ, дѣйствительный примѣръ борьбы съ оружіемъ въ рукахъ, который понемногу заразитъ жаждой такой же вооруженной борьбы и массы; что въ атмосферѣ только безотвѣтнаго терпѣнія и подвижнической готовности сносить всѣ издѣвательства безчеловѣчно жестокаго врага задыхается человѣкъ, угасаетъ духъ, опускаются, какъ подрѣзанныя, крылья; что одинъ ударъ молніи порой разряжаетъ избытокъ скопившагося электричества, расширяетъ и освѣжаетъ атмосферу, въ которой дотолѣ не хватало живительнаго кислорода; что, наконецъ, индивидуальный героизмъ въ условіяхъ Россіи, не можетъ быть замѣной, а можетъ быть лишь предтечей и возбудителемъ *массоваго героизма*.

Смотрѣть на дѣло иначе, значило для него совершенно не вѣрить въ массы.

И вотъ почему его путь былъ рѣшенъ. Свой отвѣтъ на вопросы судей въ этомъ пунктѣ Сазоновъ формулировалъ въ немногихъ, но выразительныхъ словахъ.

«Почему же именно я перешелъ отъ теоріи къ практикѣ — на это я отвѣтить не могу.

«Видно, перстъ судьбы отмѣтилъ меня...

«Когда я бѣжалъ изъ Сибири, я чувствовалъ, что за моею спиной стоятъ кровавые призраки, не оставлявшіе меня ни днемъ, ни ночью, шептавшіе мнѣ: ты долженъ пойти!.. Когда я зналъ, что творится въ Россіи, я чувствовалъ себя не вправѣ пользоваться благодеиствомъ и мирнымъ житіемъ. Мирная дѣятельность отнынѣ для меня уже стала невозможной. И я совершилъ то, чего требовала моя совѣсть».

Глубоко знаменательны эти простые слова: «видно, перстъ судьбы отмѣтилъ меня». И также, какъ предвѣдущія слова Сазонова: «я же зналъ, что пойду до конца», они даютъ одинъ цѣлостный, трагическій образъ. Въ своей жизни, какъ и потомъ въ своей смерти, Сазоновъ оставался однимъ и тѣмъ же: *человѣкомъ, идущимъ до конца*; и, вслѣдствіе этого, *человѣкомъ*, въ условіяхъ проклятой русской дѣятельности, фатально *отмѣченнымъ перстомъ судьбы*...

* * *

Сазонову было суждено испытать на себѣ причудливую игру судьбы. Выходъ съ бомбой противъ Плеве, онъ ради успѣха дѣла, старался подбѣжать какъ можно ближе къ каретѣ, — подвергая, тѣмъ самымъ, дѣйствію взрыва и себя самого. Взрывъ убилъ Плеве и тяжело ранилъ Сазонова. Но онъ, пробывъ нѣсколько дней между жизнью и смертью, всетаки выжилъ. Выходя противъ Плеве, онъ былъ увѣренъ, что если уцѣлѣетъ отъ собственной бомбы, то кончитъ жизнь на висѣлицѣ. Но капризъ судьбы снова спасъ ему жизнь. Паденіе Плеве вызвало поворотъ въ политикѣ. На Святополка-Мирскаго была возложена миссія «умиротворенія», и онъ не захотѣлъ осложнить ее воздвиженіемъ висѣлицы. И Сазонову замѣнили смертную казнь — каторгой.

Такъ создавалось то колоссальное противорѣчіе, о ко-

торомъ открыто съ трибуны III-й Государственной Думы заявлялъ Марковъ II-й. Въ самый разгаръ торжества контръ-революціи ежедневно вѣшали по нѣсколькимъ человѣкамъ, — вѣшали безъ разбора, прерывая казни въ «бытовое явленіе», — вѣшали горюясь, не разбирая, за самыя маленькія дѣянія. И въ то же время убійца столь дорогого всѣмъ черносотеннымъ сердцамъ Плеве, Егоръ Сазоновъ, оставался живъ. И не только живъ. Онъ смѣлѣлъ и тамъ за рѣшеткой импониовать всѣмъ, даже самымъ жестоковѣчнымъ, выдавшимъ видъ тюремщикамъ. Онъ смѣлѣлъ внушить къ себѣ и съ ихъ стороны невольное уваженіе. Онъ даже получилъ отъ нихъ почетную кличку «короля каторги».

И этого мало. Согласно закону, онъ, какъ и Марія Спиридонова, должны были вскорѣ выйти изъ каторжнаго острога въ «вольную команду», на поселеніе. И чѣмъ болѣе приближался этотъ срокъ, тѣмъ тревожнѣе становились тѣ, для кого Сазоновъ былъ всю жизнь такимъ непримиримымъ, такимъ опаснымъ врагомъ. Казалось неоспоримымъ, что стоитъ Сазонову выйти изъ тюремныхъ стѣнъ — и во всемъ мірѣ не найдется такихъ силъ, которыя смогли бы удержать его въ заброшенной сибирской глуши, смогли бы помѣшать ему вырваться снова на широкую арену активной борьбы, снова занять свое мѣсто въ первомъ ряду товарищей, возобновляющихъ борьбу съ оружіемъ въ рукахъ. Его привлекала, его манила эта среда, въ которой онъ оставилъ своихъ старыхъ друзей, своихъ соратниковъ по Боевой Организациі. Та среда, про которую онъ въ одномъ изъ писемъ говорилъ: «Наша Запорожская Сѣча, наше лицарство было проникнуто такимъ духомъ, что слово «братъ» еще недостаточно выражаетъ сущность нашихъ отношеній».

Черносотенная пресса прекрасно поняла это и первая ударила въ набатъ. Знаютъ ли тѣ, кому это знать и вѣдать надлежитъ, вопрошала она, что по давней преступной ошибкѣ или небрежности властей, запуганныхъ тогда «освободительнымъ движеніемъ», можетъ въ непродолжительномъ времени совершиться чудовищная вещь: выходъ на волю такихъ опасныхъ и ненавистныхъ преступниковъ, какъ убійца Плеве, Сазоновъ, и Марія Спиридонова? Неужели это возможно?

И публицисты «Сокъ за Русскаго Народъ» были правы, тысячу разъ правы. Да, въ нашемъ «обновленномъ строѣ», затмившемъ времена Малюты Скуратова количествомъ казней и висѣлицъ, это была бы слишкомъ невѣроятная вещь. Она не могла имѣть мѣста. По сигналу черной прессы законопослѣдны администраціи, законопослѣдны и тюремныя власти. И надъ головами ненавистныхъ имъ узниковъ нависли черныя тучи. Было что то жуткое, зловѣщее въ той атмосферѣ, которая создавалась вокругъ нихъ. Чувствовался неписанный смертный приговоръ...

* * *

Всѣ знаютъ, что Зерентуй былъ едва ли не единственнымъ оазисомъ въ каторжной пустынѣ, едва ли не единственнымъ мѣстомъ, гдѣ «политикамъ» удалось отстоять сравнительно достойныя условія существованія. Зерентуй не коснулся и кошмаръ позорнаго сѣченія розгами, пронесшійся почти по всѣмъ каторжнымъ тюрьмамъ. Но не всѣ знаютъ, чего стоило Зерентуйскимъ узникамъ это завоеваніе. Не всѣ знаютъ, что Сазоновъ однажды уже былъ на волосѣ отъ смерти...

Только рѣшеніе каторжанъ группы Сазонова — *отвѣтить на первую же попытку примиренія розогъ массовымъ самоубійствомъ*, — только это ужасное рѣшеніе долгое время останавливало на подорожѣ тѣхъ полулюдей, полузвѣрей, въ руки которыхъ была отдана судьба лучшихъ людей Россіи, героическихъ борцовъ за ея свободу и счастье. Тюремныя власти видѣли, что это рѣшеніе — нешуточное. И вотъ втеченіи долгаго времени власти избрѣгаютъ цѣлый рядъ уловокъ, чтобы

легче сломить сопротивление — прибѣгаютъ, прежде всего, къ разобщенію каторжанъ, раскассированію ихъ по разнымъ мѣстамъ. Системой переводовъ изъ тюрьмы въ тюрьму начальство пробуетъ разбить организованность своихъ плѣнниковъ. Посылали и Сазонова изъ Акатуя въ Алгачи, потомъ въ Зеренгуй. Въ Алгачи онъ пришелъ уже «съ убѣжденіемъ, что кровавый исходъ неизбеженъ... Хотѣлось только не затягивать... Съ какимъ отчаяніемъ — отчаяніемъ безвыходности — ринулся въ омутъ»... *) Въ Алгачахъ былъ въ полной силѣ Бородулинскій режимъ. «На утро познакомились съ товарищами, этими монстрами, сумѣвшими ужиться съ Бородулинымъ» — писалъ Сазоновъ. «Дѣло вышло очень простое: они дозволили извѣстия себя до положенія уголовныхъ. Дозволяютъ командовать, «тыкать», при каждой встрѣчѣ ломаютъ шанки, стоятъ на вытяжку... Ихъ униженіе еще болѣе обижало насъ на протестъ, хотя бы ради поддержанія имени политика». Снова неравная борьба, съ перспективой трагическаго исхода...

Вотъ какъ описывалъ самъ Сазоновъ послѣдніе моменты этой борьбы:

«Конфликтъ былъ неотвратимъ. Самое лучшее поскорѣ закончить. Вечеръ 3-го прошелъ ужасно. Мы не встали на повѣрку, получили отъ помощника угрозу, что насъ «заставятъ вставать» и не сомнѣвались, что угрозу исполнять въ эту же ночь... Сидѣли и ждали. Частью для поддержанія настроенія, частью для вызова стали пѣть. Ну, и пѣли же: ничего ужаснѣе этого пѣнія я въ жизни не слышалъ. Не зналъ, куда спрятаться отъ него. Уткнулся лицомъ въ нары. Товарищи заставляютъ подняться: «смотрите веселѣе, вы заражаете своимъ настроеніемъ.» Я всталъ и началъ ходить: ноги пошатывались и дрожали... И радъ же я былъ, когда, наконецъ, прекратилось пѣніе: сѣли за писаніе прощальныхъ писемъ. Не страхъ я испытывалъ, а безвыходное отчаяніе, что приходится умереть такою жалкою смертью. Горе за тѣхъ, которые будутъ жалѣть меня, заставляло испытывать чувство, похожее на стыдъ. Ночью по очереди дежурили. Стояла глубокая ночь, когда я не спалъ. За предыдущую ночь и за день у меня назрѣвало рѣшеніе: чѣмъ больше я думалъ о немъ, тѣмъ казалось оно мнѣ наиболѣе достойнымъ и удобнымъ выходомъ изъ положенія. Массовое избиеніе, быть можетъ, порка... Можетъ быть, медленное истязаніе, повтореніе слѣдъ приемки... Своей добровольной смертью я могу еще спасти другихъ... Это не трусость, а наиболѣе цѣлесообразное, что я имѣлъ силу сдѣлать. И я принялъ морфій, привезенный изъ Акатуя. Давшій мнѣ, или спрятавшій, изволилъ сыграть со мной шутку: доза оказалась мала, хотя дана была съ ручательствомъ. Я заснулъ, чтобы проснуться потомъ съ невыносимой головной болью и рвотой. Послѣднее, чѣмъ я еще расплагалъ, пропало...»

Смерть снова отвернулась отъ Сазонова. Къ счастью... Ибо полное достоинства и твердости поведеніе каторжанъ въ то время смогло принудить тюремныя власти — даже въ лицѣ безчеловѣчнаго Бородулина — къ уступчивости. Борьба тянулась, перемежаясь попытками компромиссовъ. Медленно создавалась своего рода каторжная «конституція». Была и еще одна сила, незамѣтно оказывавшая свое дѣйствіе даже за толстыми тюремными стѣнами: сила еще не вполнѣ, еще не окончательно сломленной революціи.

Вотъ характерный разговоръ Сазонова съ Бородулинымъ, лучше всего свидѣтельствующій объ этомъ.

«Въ разговорѣ Бородулинъ сказалъ: «вотъ, я скоро долженъ буду послать въ Алгачи политическихъ на работу по ремонту тюрьмы. Увѣренъ, что встрѣчу сопротивление. Я долженъ буду наказывать, а потомъ дѣ-

ло можетъ кончиться оружіемъ». И отвѣтилъ ему, что мы никогда и не тѣшили себя ложной надеждой, что жизнь наша находится въ безопасности. Бородулинъ началъ увѣрять, что мы будемъ живы. «Вы еще не знаете меня, вы, — если мы проживемъ съ вами подольше, — еще убѣдитесь, что я далеко не звѣрь. И за что вы на меня такъ озлоблены? Вѣдь я только исполняю, что мнѣ приказываютъ. А я знаю, что меня убьютъ. Я не боюсь этого, — но интересно знать, за что же?» Я ему отвѣтилъ: «вамъ это такъ же извѣстно, какъ и всей Россіи». Тогда онъ началъ просить, чтобы я написалъ, куда слѣдуетъ, чтобы его убили поскорѣе. «Самое мучительное ожидать, ужъ лучше бы поскорѣе. Пишите письмо, даю вамъ слово пропустить». Я указалъ ему, что самый этотъ разговоръ показываетъ, насколько онъ и самъ внутренне признаетъ себя виновнымъ и достойнымъ смерти. «Мое письмо или слово ничего не можетъ измѣнить. Господиномъ вашей судьбы были вы сами, сами своими дѣйствіями заслужили извѣстныхъ послѣдствій, а будутъ они или нѣтъ — это рѣшатъ люди на волѣ, а не мы». Бородулинъ, жалко улыбаясь, обратился къ присутствующимъ надзирателямъ: «значитъ, мнѣ пора заказывать гробъ и копать могилу за сопкой»...

И Бородулинъ, дѣйствительно, вырылъ себѣ могилу, отъ которой его не спасъ и вымоленный имъ переводъ дальше отъ мѣста своихъ наиболѣе отвратительныхъ подвиговъ — въ Европейскую Россію...

* * *

Но вотъ замерли послѣднія судороги активнаго революціоннаго движенія въ Россіи. Наступила глухая пора разочарованія и апатіи. Ничто болѣе не сдерживало разгула инстинктовъ палачей. Все молчало. И только стая вороновъ черной прессы зловище каркала надъ головами узниковъ, требуя ихъ смерти.

И неотвратимое, непоправимое — свершилось.

Медленными, но вѣрными шагами приближалась катастрофа. Ея неизбежность чувствовалась, висѣла въ воздухѣ. И чѣмъ ближе становился день выхода Сазонова съ каторги, тѣмъ яснѣе становилось, что двери тюрьмы открываются только для его трупа.

Первою мѣрою въ этомъ направленіи была замѣна сравнительно «смирной» роты, несшей до тѣхъ поръ обязанность по внѣшней охранѣ тюрьмы, — другой ротой, отборно черносопной. Этой ротой, вилотъ до самаго ея прихода, не разъ «пугали» заключенныхъ тюремныя власти. И дѣйствительно, она ознаменовала свое прибытіе установленіемъ новаго режима — режима сплошнаго террора. То и дѣло, особенно ночью, тотъ или другой часовой стрѣлялъ въ окно камеры — и всѣ другіе поддерживали его выстрѣлъ цѣлой канонадой, выпускали иногда до полусотни пуль. Стрѣляли, замѣтивъ у окна заключеннаго, стрѣляли, когда тѣнь его, отбрасываемая лампочкой, падала на окно, стрѣляли, когда часовой какой либо шумъ или передвиженіе въ камерѣ казалось подозрительнымъ. Первые дни стрѣляли по разнымъ случайнымъ окнамъ, большей частью уголовныхъ. Затѣмъ, повидимому, лучше ориентировались въ обстановкѣ: всѣ послѣдніе обстрѣлы правильно и систематически имѣютъ своей цѣлью окна «политическихъ». Вскорѣ, безъ всякаго повода, подверглось правильной канонадѣ окно камеры Егора Сазонова. Стрѣльба была такъ настоячива, что послѣ нея камера потребовала особаго ремонта. Но Сазоновъ и здѣсь уцѣлѣлъ, хотя былъ на волосокъ отъ смерти. «Дико чувствуешь себя — рассказывалъ онъ потомъ — въ моментъ такой упражненій по твоей фигурѣ. Пули свистятъ надъ твоей головой — одна, другая, третья. Мгновенья кажутся бесконечно длинными. И никакъ не поймешь, что это — чара или что нибудь серьезное? Абсолютная безпомощность. Перейти въ другое мѣсто не рѣшаешься, потому что не знаешь причины — почему стрѣля-

*) Изъ письма, писаннаго Сазоновымъ въ маѣ или іюнѣ 1907 г. каторжанкамъ Мальцевской тюрьмы (Спиридоновой, Биценко и др.)

ють!» Вряд ли это требует каких-либо объяснений. Сазоновъ заявилъ прямо въ глаза начальнику каторжной тюрьмы: «я вижу въ этомъ случаѣ чье то желаніе убить меня». Пастолько отсутствовали какіе бы то ни было поводы для такихъ выстрѣловъ, принявшихъ характеръ правильной канонады.

Что именно таковъ былъ характеръ поведенія караула, было ясно и для насъ, когда мы получили «письмо съ каторги», повѣдавшее намъ всю эту исторію. И наше сердце сжалось мыслью, что Сазонова убьютъ, что если не явится для этого удобнаго повода, то такой поводъ будетъ созданъ.

Насколько смерть Сазонова готовилась, насколько всѣ дѣйствія властей обнаруживали совершенно недвусмысленно ихъ намѣренія, насколько цинично готовилось тамъ, въ Горномъ Зерентуѣ, почти не замаскированное *предумышленное убійство* — можно судить хотя бы по такимъ краткимъ отрывкамъ изъ писемъ, полученныхъ отъ брата Егора Сазонова, Изота, однимъ изъ нашихъ товарищей.

Отъ 16-го ноября 1910 г., въ страшной по краткости открыткѣ, отправленной изъ Камышина, Изотъ Сазоновъ писалъ:

*„Привѣтъ отъ Авеля *). Взгрохотъ, онъ, по „независимымъ обстоятельствомъ“, скоро уйдетъ къ Льву Толстому...“*

Отъ 26 ноября, оттуда же, онъ писалъ еще разъ:
„Въ Горно-Зерентуйскую тюрьму приваля новыи начальникъ тюрьмы Высоцкій — второй Бородулинъ. Ждутъ конца. Да мыетъ чаща сія...“

Чаща не минула Егора Сазонова. Черезъ два дня послѣ того, какъ братъ его написалъ эти простыя, и въ простотѣ своей такія ужасныя слова: «ждутъ конца», лавочническія телеграммы оффиціального агентства извѣстили о нѣсколькихъ попыткахъ каторжанъ кончить жизнь самоубійствомъ и о смерти Егора Сазонова. «Идущимъ до конца», «отмѣченнымъ перстомъ судьбы» былъ онъ всю свою жизнь. Такимъ онъ былъ и въ смерти.

Черезъ нѣсколько времени пришли и первыя болѣе подробныя извѣстія о катастрофѣ. «Второй Бородулинъ» демонстративно ознаменовалъ свое прибытіе и «новую эру» розгами, примѣненными къ нѣсколькимъ, наудачу выхваченнымъ «политикамъ». Настало время привести въ исполненіе старое рѣшеніе, принятое каторжанами: отвѣтить на это массовыми самоубійствами...

И эта ужасная перспектива заставила сердце Сазонова содрогнуться. Всѣмъ сердцемъ страдая при мысли о томъ, что товарищи примутъ это фатальное рѣшеніе; услышавъ, что двое заключенныхъ, не дожидаясь общаго соглашенія, уже сдѣлали попытки лишиться себя жизни, и ошибочно считая ихъ умершими — Сазоновъ снова твердою рукою вынулъ запасенную дозу яда — на этотъ разъ тщательно провѣренную — и выпилъ его... Онъ оставилъ послѣ себя короткое письмо, къ которому нечего прибавить. «Холоденъ и жалокъ бѣдный нашъ языкъ», и все, что могли бы мы сказать, только ослабило бы трагическую силу этихъ простыхъ словъ, въ которыхъ отпечатлѣлась вся душа нашего удивительнаго, нашего свѣтлаго, нашего кристально-чистаго Егора.

„Товарищи! Сегодня ночью я попробую покончить съ собой. Если чья смерть и можетъ приостановить дальнейшія жертвы, то прежде всего моя. А потому я долженъ умереть. Чувствую это всѣмъ сердцемъ; такъ больно, что я не успѣлъ предупредить смерть двухъ умершихъ сегодня. Прошу и умоляю товарищей не раздражать мнѣ, не искать слишкомъ быст-

*) Конспиративная кличка, которую когда то носилъ Егоръ Сазоновъ.

рой смерти! Еслибы не маленькая надежда, что моя смерть можетъ уменьшить цѣну, требуемую Молохомъ, то я непременно остался бы ждать и бороться съ вами, товарищи! Не ожидать лишній день — это значитъ, можетъ быть, увидѣть новыя жертвы. Сердечный привѣтъ, друзья, и спокойной ночи!

Егоръ.»

* * *

Устами Маркова II-го въ третьей Думѣ правительственная клика выразила свое удовлетвореніе и свою радость. День запроса былъ превращенъ въ день вакханалій торжествующихъ побѣдителей. Подобно половцамъ, плясавшимъ на тѣлахъ связанныхъ плѣнниковъ и трунахъ убитыхъ враговъ, правые депутаты Думы устроили дикую пляску надъ свѣжими могилами...

Но этого было недостаточно. Правительству мало было убить физически своего врага. Ему нужно было морально убить его память, забросать грязью его прахъ. И оно быстро нашло средство. Оно изъ всѣхъ возможныхъ клеветъ противъ мертваго выбрало такую, которая бы была всего нестерпимѣе для живаго Сазонова. Оно опубликовало оффиціальное сообщеніе, въ которомъ инсинуировало, будто принятый Сазоновымъ и двумя другими его товарищами *явъ предначинался ими для отравленія всего тюремнаго персонала въ цѣляхъ организации массоваго побѣга, и только вследствие неудачи этого плана послужилъ для ихъ самоубійства...*

Да, клевета была достойна ея авторовъ. Самый изощренный, самый изобрѣтательный умъ не могъ бы придумать ничего, болѣе отталкивающаго для нравственнаго чувства Егора.

Правительству это не было безызвѣстно. Въдъ это средство противъ Егора оно однажды уже пробовало...

Когда, послѣ взрыва Штеве, полиція подобрала тяжело раненаго Сазонова, его помѣстили въ тюремную больницу, гдѣ онъ лежалъ въ бреду, безъ сознанія. Какъ коршуны, окружили его служители полицейскаго сыска, жадно ловя и тщательно, стенографически-точно записывая каждое отрывочное слово, каждую связанную фразу, вылетающую изъ устъ больнаго.

Наконецъ старый провокаторъ, бывшій издатель марксистскаго «Начала», М. Гуровичъ, беретъ въ свои опытыя руки дѣло выпытыванія тайнъ у лежащаго въ бреду человѣка. Пикакія физическія пытки не могли бы изъ Егора Сазонова выжать ни одного слова. Но есть тягчайшія пытки моральныя. Къ нимъ прибѣгнули застѣночныхъ дѣлъ мастера новаго стиля. И вотъ Сазонова то будятъ ночью, для допроса, то, подъ видомъ доктора, припускаютъ къ нему Гуровича. Добрый «докторъ» не прочь разсказать Егору кое-что объ обстоятельствахъ того событія, виновникомъ котораго былъ послѣдній. И на первый разъ онъ разсказываетъ, — такъ себѣ, между прочимъ, — будто бы отъ бомбы Сазонова погибли нѣсколько человѣкъ случайныхъ прохожихъ — въ томъ числѣ одна старуха и одна дѣвочка — крохотное созданіе, маленькая двухлѣтняя дѣвочка...

Результатъ получился какъ разъ такой, какого было нужно. Ложь казалась правдоподобной и била въ слабое мѣсто. Больной пришелъ въ состояніе крайняго волненія, почти отчаянія. Бредовыя явленія усилились. Перья тщательно записывающихъ агентовъ заработали. Желанное средство найдено, и, въ качествѣ испытаннаго, примѣняется дальше. Чтобы морально добить больнаго, ловятъ моментъ просвѣтленія его сознанія. Ему сообщаютъ — опять таки мимоходомъ, между прочимъ — будто бы, когда онъ, оглушенный и раненый взрывомъ, лежалъ безъ сознанія, произошелъ второй взрывъ. То одинъ изъ товарищей Егора, метальщиковъ, выронилъ бомбу въ

толпѣ... Сазонову сообщаютъ и точную цифру убитыхъ обоими взрывами — *тридцать девять человекъ*...

Еслибы все это мы знали только со словъ Сазонова — нашлись бы, вѣроятно, люди, которые не повѣрили бы въ возможность такого факта, сочли бы его бредомъ больного. Какъ, въ наше время возможна подобная уточненная пытка мечущагося въ лихорадочномъ бреду человѣка?! И однако, это факты. На страницахъ «Соціалиста-Революціонера» нами опубликованы официальные документы, свидѣтельствующіе обо всемъ этомъ: опубликованы записи всего бреда Сазонова; опубликованъ докладъ Гуровича о его дѣяніяхъ около постели больного, докладъ, гдѣ этотъ бывший провокаторъ по должности и настоящей палачъ по призванію цинически упоминаетъ о всѣхъ тѣхъ выдумкахъ, которыми онъ пробовалъ стимулировать бредъ больного и давать ему нужное для цѣлей охраны направленіе...

Сыскныхъ дѣлъ мастера хорошо поняли, гдѣ наибольшее чувствительное мѣсто души Сазонова. Даже въ террорѣ, побѣды котораго, какъ онъ думалъ сначала, будутъ возбуждать въ немъ, только «гордость и радость», ему въ дѣйствительности скоро дала себя глубоко почувствовать другая, непредвидѣнная сторона. Даже убивая звѣря въ образѣ человѣческомъ, Сазоновъ не могъ забыть о его *человѣческомъ* образѣ, и «право на кровь» такого звѣря не легко вмѣстилось въ его сознаниі. А когда вмѣстилось, то вмѣстилось, какъ обязанность насилья надъ самимъ собой, преодоленія — ради высшаго принципа — того естественнаго, могучаго чувства, которое не позволяетъ человѣку поднимать руку на человѣка; какъ *тяжелая моральная жертва*...

Въ это больное мѣсто души Сазонова мѣтили, его искусно бередили слуги самодержавія, когда онъ, раненый плѣнникъ, боролся между жизнью и смертью. Этого больнаго мѣста души Сазонова не забыли они и послѣ его смерти, когда измышляли, какой клеветой сильнѣе оскорбить его память, какой грязью забросать его чистый обликъ.

* * *

Предумышленное убійство совершилось. Плохо замаскированное придуманной наскоро и бѣлыми нитками сшитой клеветой, оно у всѣхъ передъ глазами. Не успѣло русское общество опомниться отъ смерти величайшаго апостола непротивленія, отверженнаго русской церковью и русскимъ государствомъ и отвергнуваемаго ихъ; апостола непротивленія, передъ смертью своей бѣжавшаго, отрясая отъ ногъ своихъ прахъ стараго міра, воплощеннаго въ дворянско-аристократической средѣ, съ которой онъ связанъ былъ рожденіемъ и семьей, — какъ общественное сознаниі было потрясено новой кончиной, кончиной величайшаго изъ вѣрныхъ солдатъ арміи «противленія». Такъ несходные другъ съ другомъ, они оба встаютъ передъ нами, какъ олицетворенныя вершины человѣческаго духа, вершины моральнаго сознанія. Одинъ былъ учителемъ и пророкомъ, другой былъ борцомъ и дѣятелемъ; одинъ былъ гигантомъ слова, другой — гигантомъ пракческаго дѣйствія. Оба они были по своему удивительно цѣльными и законченными фигурами, у обоихъ смерть была поразительно гармоничнымъ и, при всемъ трагизмѣ, красивымъ, чистымъ, прекраснымъ завершеніемъ дѣла жизни. И оба, стоя на крайнихъ полюсахъ моральнаго сознанія, обнаруживали тѣ же черты напряженной, повышенной, обостренной моральной чуткости.

Одинъ, вѣрный своему міросозерцанію, спокойно, съ яснымъ ликомъ встрѣтилъ неизбежную смерть. Другой, столь же вѣрный своему міросозерцанію, безрешетно пошелъ навстрѣчу преждевременной смерти. Оба этой смерти служили дѣлу жизни

Сазоновъ палъ жертвой организованнаго заговора официальныхъ убійцъ. Но не пассивною жертвой. Поднося ядъ къ устамъ, готовымъ смеяться для вѣчнаго

молчанія, онъ этимъ молчаливымъ жестомъ крикнулъ на всю Россію громче и краснорѣчивѣе всякихъ словъ — крикнулъ обезчеловѣченнымъ палачамъ, что есть ужасы, есть преступления, къ которымъ они могутъ перейти только черезъ трупы людей, сохранившихъ въ себѣ живую искру чувства и совѣсти. Свой холодный трупъ онъ бросилъ имъ, какъ грозный вызовъ, и намъ — какъ послѣдній страстный, пламенный призывъ.

Передъ этой жертвой можно благоговѣнно склониться. Жалѣть о ней нельзя — жалость здѣсь слишкомъ блѣдная, слишкомъ обыденное чувство. Не сожалѣть о гибели Сазонова должны мы, а развѣ глубоко, горько каяться и винить себя самихъ въ его смерти...

Или въ самомъ дѣлѣ «нужны намъ великія могилы, если нѣтъ величія въ живыхъ»? Или мы настолько пали духомъ, настолько лишились силъ, лишились энергіи и чувства долга, что оставили нашихъ товарищей, плѣнныхъ, связанныхъ по рукамъ и ногамъ, на произволъ судьбы? Когда то мы шли съ ними одной боевой дорогой, плечо съ плечомъ и рука съ рукой. Съ ними вмѣстѣ дошли мы до одной роковой черты — до дверей тюрьмы. Тутъ разошлись наши дороги. Они переступили черезъ этотъ порогъ, а мы... Мы остались на свободѣ — а нынѣ такъ даже переступили за «черту досягаемости» русскаго правительства. Мы накопили за границей резервы, изъ которыхъ можно было бы составить двойной, тройной составъ всѣхъ русскихъ комитетовъ и организацій недавняго прошлаго.

Резервы ли? Резервы не накаплиются въ количествѣ, превышающемъ дѣйствующую армію. Резервы пускаются въ ходъ въ самый критическій моментъ битвы, когда рѣшается ея участь, а не ждутъ конца битвы, чтобы воспользоваться плодами побѣды. Резервы ударяютъ на врага съ тѣмъ большей силою, чѣмъ дольше приходилось имъ сдерживать и накапливать рвущуюся наружу жажду боя; резервы стоятъ подъ ружьемъ, а не располагаются спокойно на «зимнія квартиры»...

На могилахъ такихъ жертвъ, какъ Сазоновъ, на уста невольной рвутся проклятія палачамъ и крики мести. Но я не буду говорить о ней. Мстительный инстинктъ былъ такъ чуждъ этимъ чистымъ, самоотверженнымъ душамъ, что такими призывами я боюсь оскорбить ихъ память. Но если нужно задумать въ своей груди инстинктъ мести, самодовлѣющаго мщенія для мщенія, то только для того, чтобы дать полную волю другому голосу — голосу долга передъ плѣнными товарищами. Имъ нѣтъ нужды взывать къ нашей мстительности, когда они имѣютъ право взывать къ чувству нашего идейнаго родства и товарищеской солидарности. Они въ плѣну, они могутъ реагировать на униженія и поруганія своего человѣческаго достоинства только однимъ средствомъ — вольною смертью. Мы можемъ посвятить этой задачѣ *дѣйствительную жизнь*...

Гдѣ же она, эта дѣйствительная жизнь? Не черезчуръ ли привыкли мы къ тому, что сейчасъ — полоса реакціи, глухая эпоха, стоящая подъ знакомъ контръ-революціи? Не толкуемъ ли мы на всѣ лады убаюкивающую пѣсню о безвременьи, объ отсутствіи широкихъ политическихъ задачъ, объ отсутствіи дѣла, которому бы стоило посвятить сейчасъ все свои силы? Не вжились ли мы въ эти тускляя сумерки переходной эпохи, впинаясь незамѣтно своими нежалящими когтями во все наше существо? Не дышимъ ли мы затхлою атмосферой этого безконечнаго политическаго мѣсяца марта, когда день бываетъ безъ числа, когда всѣ краски сливаются въ какой то безцвѣтный тонъ, когда вянутъ лучшія силы и тихо, непримѣтно мельчаютъ души? И, влачась по однообразнымъ и скучнымъ будничнымъ днямъ, не создаемъ ли мы себѣ вмѣсто реальной жизни выдуманную жизнь мелкихъ распрей и подсиживаній, чтобы только было куда ухлопать остатокъ неистраченной жизненной энергіи? Чего мы ждемъ? Пробужденія всей Россіи? Но мы то сами, считающіе себя чуть ли не лучшей частью Россіи, — или мы

должны проснуться и воспринять из жалкого прозябанія не первыми, а послѣдними? Что же еще нужно, чтобы вывести насъ изъ нашей полу-летаргіи, когда и сейчасъ творятся вокругъ дѣла, отъ которыхъ — если будутъ молчать люди — возойдутъ даже камни?

Мы толкуемъ, мы споримъ о томъ, наступилъ ли не наступилъ настоящій общественный подъемъ, вмѣсто того, чтобы быть живою частью этого подъема, его сильнѣйшимъ динамическимъ элементомъ. Мы готовы, упираясь, тащиться въ хвостъ событий, совершаемыхъ исключительно руками зеленой, неопытной молодежи. Мы уступаемъ ей монономію почетнаго дѣла — выведение нашей партійной, политической жизни изъ того тупика, въ которомъ она застряла. Какъ будто каждый день промедленія не можетъ стоить новыхъ жизней — и какихъ жизней? — Такихъ товарищей, имена которыхъ сияютъ чистымъ блескомъ самоотверженной любви и немеркнувшей вѣры! Такихъ товарищей, у которыхъ мы, можетъ быть, недостойны развязать ремни обуви...

Но если такъ, то мы не стоимъ тѣхъ жертвъ, на которыя шли и идутъ Сазоновы. Если призывъ къ жизни, исходящій отъ ихъ смерти, надъ нами безсиленъ, если онъ не зажигаетъ неугасимымъ огнемъ энтузіазма наши сердца, — то мы не имѣемъ права ходить на митинги протеста, выражать въ резолюціяхъ свое негодованіе противъ преступленій русскаго правительства. Тогда мы должны вспомнить о *нашемъ* преступленіи; тогда мы являемся попустителями, пассивными соучастниками ужасовъ, совершаемыхъ въ тюрьмахъ. Оттого, что мы, свободные, живущіе на волю, проявляемъ слишкомъ мало дѣйственной жизни, — оттого неизбежны эти смерти. Тогда мы не купили себѣ права склонять колѣни на свѣжихъ могилахъ этихъ великихъ жертвъ нашего ничтожнаго времени.

По вѣдь въ этихъ тюремныхъ звѣрствахъ, въ этихъ ужасахъ — только отраженіе еще болѣе огромной, еще болѣе ужасной трагедіи. Ибо вся Россія — одна огромная тюрьма, въ которой томится огромный, великій на-

родъ. Ибо издѣвательства надъ человѣческимъ достоинствомъ и позорныя истязанія совершаются не только въ тюрьмахъ. Тамъ лишь въ наиболѣе концентрированномъ видѣ отражается все то море человѣконенавистничества, которое, торжествуя, не знаетъ удержа во всей странѣ. И если она не осуждена на конечную гибель и вырожденіе, если она дѣйствительно великая страна, достойная лучшей участи — то доколь же ждать конца этого ужаснаго, кошмарнаго существованія?

Чаша переполнена. Преступленія царскаго правительства вопіютъ къ холоднымъ и мертвымъ небесамъ. Его существованіе есть нестерпимый позоръ для страны, которая еще такъ недавно рвалась, какъ неуправляемый потокъ, черезъ все плотины, преграды и шлюзы, и въ стремительномъ ледоходѣ проявляла столько молодой, свѣжей, весенней и радостной жизни. Каждый лишній день существованія этого правительства грозитъ дѣлами, отъ которыхъ содрогается сердце и леденѣетъ кровь, — дѣлами, представляющими настоящее *оскорбленіе человечества*.

Въ вялой, косноязычной легальной прессѣ и еще худшей Думѣ, неспособной ни въ одной своей части подняться до высоты положенія, требуемой небывалой трагичностью момента, происходятъ время отъ времени потуги поднять голосъ противъ преступленій правительства. Но пора, тысячу разъ пора, заговорить съ нимъ другимъ языкомъ, тѣмъ языкомъ который одинъ только для него доступенъ и убѣдителен...

Пусть же раздадутся его звуки, пусть прогремятъ своимъ твердымъ металлическимъ голосомъ по всей Россіи, сливаясь съ гулкими раскатами революціоннаго набата, зовущаго массы къ пробужденію, къ жизни, къ борьбѣ на жизнь и смерть, къ борьбѣ, въ которой сложить голову — величайшее счастье и честь, которую можетъ дать человѣку суровая мать — Исторія.

Викторъ Черновъ.